

1–2 апреля 2019 года в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова прошла Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Творческое наследие Н.В. Гоголя: история и современность. К 210-летию со дня рождения». Ниже публикуются статьи, в основу которых положены доклады, прочитанные авторами на конференции.

*С.В. Бурмистрова (Сергиев Посад, Россия)*

### **Функции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя**

*Аннотация:* В статье рассматриваются особенности рецепции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя: выявляются формы его воплощения (цитаты, аллюзии, реминисценции и др.) и механизмы функционирования, определяется его значение в построении модели самоописания автора и концепции русской действительности. В статье также уточняется понятие «апостольский текст», обозначается его специфическое содержание в богословском и литературоведческом аспектах. Характерные для апостольского дискурса образы и мотивы (учителя и ученика, проповедника, братства и др.), вероучительные положения, стиль актуализированы в содержании и структуре итоговой книги Гоголя. Апостольский текст, выступая ядром библейской семиосферы «Выбранных мест», как правило, осмысливается Гоголем в контексте ветхозаветных и новозаветных книг, что подчеркивает близость мышления писателя святоотеческой традиции, а также создает в повествовании сложные аллюзивные связи и многоуровневую систему коммуникации.

*Ключевые слова:* Николай Гоголь, апостольский текст, рецепция, аллюзия, библейская семиосфера, христианская аксиология, универсальная проза, святоотеческая традиция

---

*S.V. Burmistrova (Sergiev Posad, Russia)*

### **Functions of the Apostolic Text in Nikolay Gogol's "Selected Places from Correspondence with Friends"**

*Abstract:* The article deals with the peculiarities of the reception of the Apostolic text in the book of Gogol: the forms of its embodiment (quotations, allusions, reminiscences, etc.) and the mechanisms of its functioning are revealed, its significance in the construction of the author's self-description model and the concept of Russian reality are

determined. The article also clarifies the concept of “the Apostolic text”, denotes its specific content in theological and literary aspects. Typical for the Apostolic discourse images and motives (teacher and disciple, preacher, brotherhood, etc.), doctrinal provisions, style are actualized in the content and structure of the final book of Gogol. The Apostolic text, acting as the core of the biblical semiosphere in the book of Gogol, as a rule, is interpreted by Gogol in the context of the old and new Testament books, which emphasizes the closeness of the writer’s thinking of the patristic tradition, and also creates complex allusive connections and a multi-level system of communication in the narrative.

*Key words:* Nikolay Gogol, the Apostolic text, reception, allusion, biblical semiosphere, Christian axiology, universal prose, patristic tradition

Анализ функций библейского текста в книге Гоголя актуализирует необходимость конкретизации самого понятия «библейский текст». Ветхозаветная и новозаветная части Священного Писания занимают неодинаковое место в структуре и содержании «Переписки». Более ощутимым является присутствие новозаветных, в частности апостольских книг. Особое внимание Гоголя к апостольскому тексту подтверждается также анализом помет и записей, сделанных писателем на страницах принадлежавшей ему Библии. Можно с уверенностью сказать, что большая их часть относится к посланиям апостола Павла – 189 примечаний из 217, относящихся к Новому Завету (ср.: в Ветхом Завете содержится только 106 записей и помет). Значимость апостольского текста для мирозерцания и творчества Гоголя отмечают современные исследователи: В.А. Воропаев<sup>1</sup>, Р.-Д. Кайль<sup>2</sup> и др. В этой связи представляется целесообразным дифференцировать термин «библейский текст», различая близкие, но не тождественные понятия «апостольский текст» и «евангельский текст».

В библеистике под апостольским текстом понимают собрание составленных апостолами сочинений, в которых повествуется о распространении евангельской проповеди и утверждении Христианской Церкви. В канонический корпус неевангельской части Нового Завета включают 23 текста: Деяния святых апостолов, Послания и Апокалипсис. Апостольские сочинения содержат исторические, учительные, пророческие книги. Доминирующим жанром выступает послание, автором значительной части которых является апостол Павел. Апостольский текст продуктивно рассматривать как целостную систему, характеризующуюся устойчивым комплексом образов и мотивов, семантика которых определяется не только контекстуальным, но и жанровым принципом. Приоритетными выступают мотивы служения, пути, божественного просвещения, созидания внутреннего человека, братства, единения, а также образы учителя и ученика, проповедника, странника и др.<sup>3</sup>

Механизмы функционирования апостольского (и в целом библейского) текста в «Выбранных местах» отличаются от привычных форм интертекстуального включения Библии в литературное произведение. Погружаясь в литературный дискурс, библейский текст так или иначе претерпевает трансформацию, связан-

<sup>1</sup> Воропаев В.А. Гоголь за чтением Библии: [www.portal-slovo.ru/philology/44540.php](http://www.portal-slovo.ru/philology/44540.php)

<sup>2</sup> Кайль Р.-Д. Гоголь і апостол Павло // Гоголезнавчі студії: Вип. 2(19). Ніжин: НДУ імені Миколи Гоголя, 2012. С. 213–226.

<sup>3</sup> Более подробно см. об этом: Бурмистрова С.В. Рецепция «апостольского текста» в «Воспоминаниях» П. Анненковой // Сибирский филологический журнал. 2016. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 23–35

ную с ее перекодировкой в соответствии с эстетическими законами, т. е. Библия в художественном произведении выполняет эстетическую функцию. В книге Гоголя апостольский текст способен существовать не только по законам эстетики, воплощаясь в качестве образа, мотива, аллюзии, оказывая эмоциональное воздействие на читателя, придавая экспрессивность авторским высказываниям, выполняя жанрообразующую функцию. Универсальный характер книги Гоголя, которая балансирует на границе «текста и контекста» (Е. Анненкова), «литературы и документа», (М. Вильнова), эстетики и этики, значительно расширяет диапазон функционирования апостольского текста в ее структуре. Помимо эстетических функций он выполняет в «Переписке» то же назначение, что и в религиозной литературе: духовно-созидательное, сотериологическое, учительное.

Очевидно, что писатель воспринимал «Выбранные места» как эксперимент, связанный с созданием нового типа искусства, которое должно стать «незримой ступенью к христианству» как для читателя, так и для самого автора. Поэтому авторское слово здесь универсально: оно исходит не только от писателя, но опирается на авторитетное библейское слово, а также включает слово читателя.

Категории автора и читателя занимают важное место в структуре «Переписки», проясняя ее жанровые и повествовательные особенности. Более того, они являются предметом авторской рефлексии, которая обнаруживает аллюзии на апостольский текст. Не случайно после публикации книги критика стала настойчиво приписывать Гоголю апостольство. Заметим, что понятие «апостольство» прочно вошло в культурное пространство первой половины XIX в. и функционировало в разных модусах. Например, в декабристской среде оно осмыслялось, прежде всего, в социальном и политическом контексте: декабристы именовали себя «апостолами свободы». Гоголевская книга актуализировала в критике суждение об апостольстве как духовном наставничестве, учительстве. Пафос учительства, несомненно, присутствует в «Выбранных местах», проявляясь в том числе в стилевом своеобразии, на что указывал сам писатель. Свойственные книге «решительный слог и некоторую лирическую торжественность речи» Гоголь соотносил с понятием «апостольства»<sup>1</sup>.

Однако семиосфера апостольства в «Выбранных местах» содержит не только семантику наставничества, но и семантику ученичества, а также страдания: «Страданиями и горем определено нам добывать крупницы мудрости... Но кто уже приобрел одну из этих крупниц, тот уже не имеет права скрывать ее от других. Она не твое, но Божье достояние... Он повелел, чтобы ежеминутно учили мы друг друга» (6, 71). Кроме того, Гоголь пришел к убеждению, что «уча других, также учишься» (6, 70), т. е. наставничество сопряжено с ученичеством. Гоголь так поясняет эту мысль в главе «Советы»: «...всякий совет и наставление, какое бы не случилось кому дать... обрати в то же время к самому себе... Действуй оружием обоюдоострым» (6, 71). Диалектика учительства и ученичества не случайно связана с образом обоюдоострого меча, который восходит к библейскому тексту. Этот образ встречается в Ветхом Завете (Псалтирь, Книга премудрости Иисуса Сираха) и в Новом Завете (Апокалипсис Иоанна Богослова, Послание апостола Павла к Евреям) и включает в себе идею амбивалентности.

---

<sup>1</sup> Гоголь Н.В. Авторская исповедь // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 6. М.; Киев, 2009. С. 248. В дальнейшем сочинения и переписка Гоголя цитируются по этому изданию. Ссылки на него даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

Образ автора в «Переписке» ускользает от однозначности, он не исчерпывается лишь семантикой учительства: с одной стороны, ему присуща апостольская ревность к проповеди христианских идеалов, придающая его повествованию библейские интонации. В то же время он репрезентирует себя как ученик, готовый смиренно внимать советам и продолжать работу по созиданию своего внутреннего человека. Процесс назидания оборачивается для автора самовоспитанием, самопросвещением. Книга, написанная для духовной пользы и духовного спасения читателей, приносит пользу самому автору: «...замышленная от искреннего желания принести пользу другим, книга моя принесла прежде всего пользу мне самому» (Авторская исповедь 6, 246).

Сотериологическая направленность «Выбранных мест» связывает их с традицией духовной литературы, а мерцающая позиция автора (располагающегося между полюсами проповедника и исповедника, учителя и ученика) – с традицией духовных посланий, генетически восходящих к библейскому, прежде всего к апостольскому, тексту. Полисемантичность образа автора в религиозном эпистолярном дискурсе нередко определяется горизонтом ожидания адресата. Так, облик апостола Павла совмещает семантику Христова проповедника и кающегося грешника, бывшего иудейского ученика и церковного учителя. В одних посланиях он утешает, в других – обличает и поучает, в иных – приносит публичное покаяние, а его саморефлексия выражается в формуле: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор., 9: 22). Данная формула подчеркивает мотив жертвенности апостольского служения, которое сопряжено с необходимостью отстраняться от своего я и переходить на позицию другого, что, в свою очередь, указывает на диалогическую, зеркальную модель отношений между наставником и учеником. Семантика зеркальности предполагает не просто отражение одного в другом, но принятие другого в свое сердце. Не случайно в посланиях Павла члены христианской общины сравниваются с письмом, написанным апостолом в его же сердце, и одновременно выступающим свидетельством его служения перед людьми. «Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотных скрижалях сердца» (2 Кор., 3: 2,3).

Содержащаяся в послании Павла метафора апостола как писателя, подчеркнутая также святителем Феофаном Затворником, который, трактуя данный фрагмент, называет апостола писцом<sup>1</sup>, не ускользнула и от внимания Гоголя. Напротив первого стиха 3 главы второго послания Павла к Коринфянам в его Библии сделана запись: «Послание Павла есть уверовавшие во Христа». Можно предположить, что в 1840-е гг. гоголевские размышления о писательском поприще не столько уже находились в орбите романтической концепции искусства, сколько определялись библейским контекстом. Апостольское и писательское служение, в представлении Гоголя, имеют общую сотериологическую цель. Как свидетельством апостольства Павла являются уверовавшие во Христа, так свидетельством исполнения писательского служения являются читатели, которые «после книги моей», утверждает Гоголь в «Авторской исповеди», обратятся «к Церкви» (6, 246).

Субъектная организация «Выбранных мест» аллюзивно соотносится с семантикой взаимоотношений автора и адресата, характерной для апостольского

<sup>1</sup> Святитель Феофан Затворник. Толкование на Второе послание апостола Павла к Коринфянам, глава 3, стихи 2 и 3: [azbyka.ru/otechnik/Feofan\\_Zatvornik/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-korinfjanam/3\\_2\\_1](http://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-korinfjanam/3_2_1)

текста. Авторское слово здесь также определяется «запросом», потребностями читателей, создается в процессе диалога с ними. В тексте писем и статей активно присутствует не только автор, но и адресат, его характер и род деятельности влияют на содержание и стиль «Переписки». На взаимодействие двух начал, идущих от автора и от адресата, Гоголь укажет в «Авторской исповеди», отметив, что письма были написаны «людям разных характеров и свойств... в разные времена моего душевного состоянья» (6, 216–217). Семантика единства автора и читателя подчеркивается также в главе «Советы», где Гоголь рассуждает о родстве человеческих душ: «Все каким-то инстинктом обращалось ко мне, требуя помощи и совета. Тут только узнал я близкое родство человеческих душ между собою. Стоит только хорошенько выстрадаться самому, как уже все страдающие становятся тебе понятны и почти знаешь, что нужно сказать им» (6, 70).

Мотив родства душ автора и читателя пересекается с мотивом зеркальности. Книга, в которой запечатлены конкретные лица – адресаты Гоголя, одновременно названа в «Авторской исповеди» зеркалом, которое помогло автору увидеть самого себя: «Мне нужно было иметь зеркало, в которое бы я мог глядеться и видеть лучше себя, а без этой книги вряд ли бы я имел это зеркало» (6, 246); «следовало бы назвать эту книгу верным зеркалом человека» (6, 216). Семантика зеркального отражения автора в читателе и читателя в авторе содержится также в следующих гоголевских высказываниях: мои «сочиненья связаны тесно с делом моей души» (Авторская исповедь, 6, 245), в книге есть «моя собственная исповедь», «все мои последние сочинения – история моей собственной души» (Выбранные места, 6, 81).

Апостольский текст, выступая ядром библейской семиосферы «Выбранных мест», как правило, осмысливается в контексте ветхозаветных и новозаветных книг, что подчеркивает близость мышления Гоголя святоотеческой традиции, согласно которой Новый Завет рассматривается как реализация ветхозаветных пророчеств. Нередко в пределах одной главы можно наблюдать взаимодействие апостольской и ветхозаветной части Священного Писания, что создает в повествовании сложные ассоциативные ряды, систему семиотических взаимосвязей между авторским текстом и претекстом. Например, в статье «О том, что такое слово» Гоголь вводит как цитату слова Иисуса Сираха<sup>1</sup>: «Наложи дверь и замки на уста твои... растопи золото и серебро, какое имеешь, дабы сделать из них весы, которые взвешивали бы твое слово, и выковать надежную узду, которая бы держала твои уста» (6, 22). В этой же главе писатель использует косвенную цитату из послания апостола Павла к Ефессянам: «Слово гнило да не исходит из уст ваших!» (6, 22). Сравним у ап. Павла: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших» (Еф. 4: 29). Соположение в «Переписке» рассуждений о слове, языке Иисуса Сираха и апостола Павла представляется неслучайным. Вероятно, оно было подсказано Гоголю святоотеческой литературой. Так, в составленных им «Выписках из творений Святых Отцов и Учителей Церкви» в разделе «Разные изречения из Иоанна Златоуста» содержатся рассуждения святителя Иоанна о слове, в которых упоминается апостол Павел и Иисус Сирах: «Павел: *слово гнило да не исходит из уст ваших* (Еф. 4: 29). А как можно содержать эту дверь в безопасности и иметь над нею точное наблюдение, об

---

<sup>1</sup> Вопрос об источнике цитаты остается открытым. Д.В. Долгушин предположил, что в данном случае Гоголь пользовался не славянским переводом, а, вероятно, обращался к тексту Библии (во французском или немецком переводе), восходящему к Вульгате. Более подробно см. об этом: Долгушин Д.В. В каком переводе цитирует Библию Гоголь? // *Universum Humanitarium: Научный журнал / Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 2016. № 1(2). С. 142–149.*

этом вот что говорит <другой> (Сирах): *вся повесть <рассказ, разговор> твоя <да будет> в закон Вышняго (Сир. 9: 20)*» (9, 71).

Следует заметить, что ветхозаветное изречение Гоголь вводит в «Выбранные места» как прямую цитату, а апостольские слова включает без кавычек и без указания на источник. С точки зрения структуры нарратива закавыченная в тексте цитата призвана, прежде всего, сигнализировать о присутствии в нем чужого слова. В «Выбранных местах» оформленное кавычками чужое слово Иисуса Сираха выступает для автора одновременно как близкое и дистанцированное: близкое по смысловому наполнению, но отдаленное во временном и социокультурном плане. Апостольские изречения чаще всего вводятся Гоголем без кавычек, как в данном случае, что подчеркивает их органичность авторскому мироощущению. Вплетаясь в ткань книги, апостольский текст составляет единое целое с авторским словом. Кроме того, косвенное цитирование может указывать на то, что апостольский текст был более узнаваем для современников Гоголя, чем ветхозаветное изречение, а потому не нуждался в кавычках.

Обозначенный способ включения апостольского текста в повествовательную структуру «Переписки» позволяет выявить генетически присущую ему адаптивную функцию. По утверждению библеистов, создание книг Нового Завета было обусловлено прежде всего необходимостью объяснения слов Христа, адаптации его учения для формирующейся христианской общины. Схожая мотивация прочитывается в книге Гоголя: органично погружаясь в авторский дискурс, апостольское слово перестает восприниматься в нем как чужое и непонятое, т. е. оно перекодируется на язык, доступный современникам, проясняя не только суть христианского учения, но и действие духовных законов в их жизни. Иными словами, посредством «Переписки» апостольский текст входит в жизненную реальность адресатов Гоголя и одновременно встраивает эту реальность в христианскую систему координат.

Например, в третьей главе «Значение болезней» авторское повествование разворачивается в контексте евангельских и апостольских реминисценций. Письмо открывается признанием автора «...силы мои слабеют ежеминутно, но не дух» (6, 18), которое аллюзивно можно соотнести со словами Спасителя, приведенными в Евангелии от Матфея: «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф., 26: 41), а также со словами апостола Павла: «если внешний наш человек... тлеет, то внутренний... обновляется» (2 Кор., 4: 16). Заметим, что актуальность данной апостольской цитаты для Гоголя подтверждается его пометами в Библии. Напротив указанного стиха из 2-го послания Павла к Коринфянам Гоголь сделал запись: «Наш внешний человек тлеет, но внутренний обновляется» (9, 154). Закономерно, что основное содержание гоголевского письма о духовной пользе телесной немощи уточняется посредством аллюзий на апостольский текст. Во Втором послании к Коринфянам апостол Павел пишет также о том, что телесная немощь помогает смириться, преодолеть гордое превозношение, высокое мнение о себе и своем поприще: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи” <...>. Посему я благодушествую в немощах – заключает апостол, – <...> ибо когда я немощен, тогда силен» (11, 7–10). Данный отрывок из послания также отмечен в гоголевском экземпляре Библии: напротив 9 стиха он сделал запись: «сила в немощи» (9, 154). Именно

такое значение телесной немощи актуализировано в гоголевском дискурсе. «...Не будь этих недугов, – утверждает автогерой в Переписке, – я бы задумал, что стал уже таким, каким следует мне быть» (6, 18–19); «Не будь тяжких болезней, куда б я теперь не занесся! Каким бы значительным человеком вообразил себя!» (6, 19). Завершается письмо Гоголя апостольским мотивом принятия телесной немощи как божественного дара, несущего человеку благо: «...смирюсь я всякую минуту и не нахожу слов, как благодарить небесного Промыслителя за мою болезнь. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря наперед, что он нужен, – советует он адресату. – Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла» (6, 19).

Концептуальное содержание «Выбранных мест», связанное с попыткой создания модели русской действительности в свете христианского вероучения, также во многом проясняется апостольским контекстом. Апостольские послания, являясь преимущественно вероучительными, не только содержат описание христианского идеала личности и общества, но и указывают на конкретные способы его реализации в жизни. Поэтому небезосновательно предположить, что апостольский текст выполняет в «Выбранных местах» миромоделирующую, жизнестроительную функцию. В посланиях апостола Павла Гоголь находит ответы на актуальные для его эпохи вопросы: о христианском отношении к ниже и вышестоящим людям, об исполнении общественного служения, о воспитании внутреннего человека и др. Без преувеличения можно сказать, что апостольская часть Нового Завета сыграла ключевую роль в формировании выраженной в «Переписке» концепции духовного совершенствования русского человека и русского общества. Косвенным свидетельством правомерности данного утверждения можно считать письмо Гоголя к сестре Ольге, написанное в январе 1847 г., т. е. сразу после выхода в свет «Выбранных мест», и во многом созвучное их содержанию. «Читай всякий день Новый Завет, – советует он сестре, – и пусть это будет единственное твое чтение. Там все найдешь, как быть с людьми и как уметь помогать им. Особенно для этого хороши послания апостола Павла. Он всех наставляет и выводит на прямую дорогу, начиная от самых священников и пастырей Церкви до простых людей, всякого научает, как ему быть на своем месте и выполнить все свои обязанности в мире как в отношении к высшим, так и низшим» (13, 183).

Письмо к младшей сестре раскрывает особенности гоголевского восприятия апостольских посланий. В Апостоле писатель нашел религиозное обоснование значимым для него идеям служения, спасения души в условиях современного социального мироустройства и в том положении, которое человеку назначено свыше и др.

О необходимости утвердить христианский критерий в оценке современной действительности Гоголь пишет почти в каждом разделе «Выбранных мест». Например, в главе «Нужно проездиться по России»: «Жизнь нужно показать человеку... жизнь, оглянутую не поверхностным взглядом светского человека, но взвешенную и оцененную таким оценщиком, который взглянул на нее высшим взглядом христианина» (6, 96).

Поднимаемая апостолом Павлом тема служения Богу разными дарованиями, тема духовного спасения людей разных социальных статусов оказалась необычайно созвучной гоголевской эпохе и стала лейтмотивом «Переписки». Большое количество помет в гоголевской Библии так или иначе связано с этой темой; например, в 12 главе первого послания к Коринфянам напротив 6, 12, 22, 28 стихов Гоголь сделал следующие записи на полях Библии: «Разделение дарований»,

«Различение удов тела», «Различные отправления удов», «все уды одного тела Христова» (9, 153); в 12 главе послания Павла к Римлянам напротив 6 и 12 стихов сделаны записи: «Все члены одного тела Христа», «Имея различное дарованье, различно и делание» (9, 151). В «Выбранных местах» вопрос о духовном спасении человека посредством служения на предназначенном ему поприще освещается в нескольких главах: «Женщина в свете», «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», «Что такое губернаторша», «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России» и др. В главе «Женщина в свете» Гоголь называет «причиной вех зол» неспособность современного человека к самореализации в рамках его собственного положения и статуса. «Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности другого, и только не может сделать его в своей должности» (6, 15). В главе «Русской помещик» писатель четко и лаконично выразил свою концепцию социальной реализации человека: «...всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом» (6, 110).

Анализ рецепции апостольского текста в «Выбранных местах» позволяет заключить, что, во-первых, истинами апостольского текста Гоголь поверяет как свое собственное духовное состояние, так и нравственную атмосферу современного ему общества. Во-вторых, на основе христианского вероучения, истолкованного в апостольских книгах, он моделирует концепцию преобразования социальной действительности. Наконец, апостольский текст существенным образом определяет поэтику его итоговой книги: диалог с Библией расширяет сферу эстетического, позволяя воплотить феномен универсальной литературы.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Бурмистрова С.В.* Рецепция «апостольского текста» в «Воспоминаниях» П. Анненковой // Сибирский филологический журнал. 2016. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 23–35.

*Воропаев В.А.* Гоголь за чтением Библии: [www.portal-slovo.ru/philology/44540.php](http://www.portal-slovo.ru/philology/44540.php)

*Воропаев В.А., Виноградов И.А.* Карандашные пометы и записи Гоголя в славянской Библии 1820 года издания // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 9. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 144–163.

*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

*Кайль Р.-Д.* Гоголь і апостол Павло // Гоголезнавчі студії: Вип. 2(19). Ніжин: НДУ імені Миколи Гоголя, 2012. С. 213–226.

Святитель Феофан Затворник. Толкование на Второе послание апостола Павла к Коринфянам, глава 3, стихи 2 и 3: [azbyka.ru/otechnik/Feofan\\_Zatvornik/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-korinfjanam/3\\_2\\_1](http://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-korinfjanam/3_2_1)

#### REFERENCES

Burmistrova S.V. Reception of the “Apostolic Text” in “Memoirs” of P. Annenkova. *Siberian Journal of Philology*. Novosibirsk. 2016. Issue 1, pp. 23–35.

Voropaev V.A. Gogol Reading the Bible: [www.portal-slovo.ru/philology/44540.php](http://www.portal-slovo.ru/philology/44540.php)

Voropaev V.A., Vinogradov I.A. Pencil Marks and Gogol’s Records in the Slavic Bible of 1820 edition. In: Gogol N.V. The Complete Works and Letters: In 17 vols. Vol. 9. Moscow; Kiev. Publishing House of the Moscow Patriarchate. 2009, pp. 144–163.



Gogol N.V. The Complete Works and Letters: In 17 vols. / Comp., prep. of texts and comment. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow; Kiev: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2009–2010.

Kayl R.-D. Gogol and Apostol Pavel. In: Gogol's Readings: Issue 2(19). Nizhyn. Nizhyn Mykola Gogol State University Press. 2012, pp. 213–226.

Svyatitel Pheophan Zatvornik. Interpretation of the Second Epistle of the Apostle Paul to the Corinthians. Chapter 3, verses 2 and 3: [azbyka.ru/otechnik/Feofan\\_Zatvornik/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-korinfjanam/3\\_2\\_1](http://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-korinfjanam/3_2_1)

*Сведения об авторе:*

Светлана Владимировна Бурмистрова,  
канд. филол. наук  
доцент  
кафедра филологии  
Московская духовная академия

Svetlana V. Burmistrova,  
PhD  
Associate Professor  
Department of Philology  
Moscow Theological Academy

[t-svet2007@yandex.ru](mailto:t-svet2007@yandex.ru)